

Михаил Булгаков

ИЛЛЮСТРАЦИИ Н. РАДЛОВА
ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРИ-
РОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№ **СМЕХАЧ** 15

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

РАССКАЗЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Н. РАДЛОВА

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „СМЕХАЧ“

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.

Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 16559.

Печ. 30.000 экз.—4 л. Зак. № 2871.

1926 г.

Р А С С К А З Ы.

ВОСПАЛЕНИЕ МОЗГОВ.

Посвящается всем редакторам
еженедельных журналов.

В правом кармане брюк лежали 9 копеек—два трехкопеечника, две копейки и копейка, и при каждом шаге они бренчали, как шпоры. Прохожие косились на карман.

Кажется, у меня начинают плавиться мозги. Действительно, асфальт же плавится при жаркой температуре! Почему не могут желтые мозги? Впрочем, они в костяном ящике и прикрыты волосами и фуражкой с белым верхом. Лежат внутри красивые полущария с извилинами и молчат.

А копейки—брень-брень.

У самого кафе бывшего Филиппова я прочитал надпись на белой полоске бумаги: «Щи суточные, севрюжка паровая, обед из 2-х блюд—1 рубль».

Вынул девять копеек и выбросил их в канаву. К девяти копейкам подошел человек в истасканой морской фуражке, в разных штанинах и только в одном сапоге, отдал деньгам честь и прокричал:

— Спасибо от адмирала морских сил.
Ура!

Затем он подобрал медяки и запел громким и тонким голосом:

Ата-цвели уж давно-о!
Хэ-ри-зан-темы в саду-у!..

Прохожие шли мимо струей, молча топя, как будто так и нужно, чтобы в 4 часа дня,

на жаре, на Тверской, адмирал в одном сапоге пел.

Тут за мной пошли многие и говорили со мной:

— Гуманный иностранец, пожалуйста и мне 9 копеек. Он шарлатан, никогда даже на морской службе не служил.

— Профессор, окажите любезность...

А мальчишка, похожий на Черномора, но только с отрезанной бородой, прыгал передо мною на аршин над панелью и торопливо рассказывал хриплым голосом:

У Калуцкой заставы.

Жил разбойник и вор—Камаров!

Я закрыл глаза, что бы его не видеть, и стал говорить:

— Предположим так. Начало: жара, и я иду, и вот мальчишка. Прыгает. Беспорядочный. И вдруг выходит из-за угла заведующий детдомом. Светлая личность. Описать его. Ну, предположим, такой: молодой, голубые глаза. Бритый? Ну, скажем, бритый. Или с маленькой бородкой. Баритон. И говорит:—Мальчик, мальчик. А что дальше? Мальчик, мальчик, ах, мальчик, мальчик... «И в фартуке», вдруг сказали тяжелые мозги под фуражкой. «Кто в фартуке?»—спросил я у мозгов удивленно.—«Да этот, твой детдом».

«Дураки»,—ответил я мозгам.

«Ты сам дурак. Бесталанный»,—ответили мне мозги,—«посмотрим, что ты будешь жрать сегодня, если ты сей же час не сочинишь рассказ. Графоман!».

Не в фартуке, а в халате...

«Почему он в халате, ответь, кретин?—спросили мозги.

«Ну, предположим, что он только что работал, например, делал перевязку ноги больной девочке и вышел купить папирос «Трест». Тут же можно описать моcсельпромицу. И вот он говорит:

— Мальчик, мальчик... А сказавши это (я потом присочиню, что он сказал), берет мальчика за руку и ведет в детдом. И вот Петька (мальчика Петькой назовем, такие замерзающие на жаре мальчики всегда Петьки бывают) уже в детдоме, уже не рассказывает про Комарова, а читает букварь. Щеки у него толстые и назвать рассказ: «Петька спасен». В журналах любят такие заглавия.

«Па-аршивенький рассказ»,—весело бухнуло под фуражкой,—«и тем более, что мы где то уже это читали!»

— Молчать, я погибаю!—приказал я мозгам и открыл глаза.

Передо мною не было адмирала и Черномора и не было моих часов в кармане брюк.

Я пересек улицу и подошел к милиционеру, высоко поднявшему жезл.

— У меня часы украли сейчас,—сказал я.

— Кто?—спросил он.

— Не знаю,—ответил я.

— Ну, тогда пропали, — сказал милиционер.

От таких его слов мне захотелось сельтерской воды.

— Сколько стоит один стакан сельтерской?—спросил я в будочке у женщины.

— 10 копеек,—ответила она.

Спросил я ее нарочно, чтобы знать, жалеть ли мне выброшенные 9 копеек. И развесялся и немного оживился при мысли, что жалеть не следует.

«Предположим—милиционер. И вот подходит к нему гражданин...

«Ну-те-с?»—осведомились мозги.

— И-да, и говорит: часы у меня свиснули. А милиционер выхватывает револьвер и кричит: «Стой!!... Ты украл, подлец». Свистит. Все бегут. Ловят вора-рецидивиста. Кто то падает. Стрельба.

«Все?»—спросили желтые толстяки, распухшие от жары в голове. «Все».

«Замечательно, прямо таки гениально,—рассмеялась голова и стала стучать, как часы,—но только этот рассказ не примут, потому, что в нем нет идеологии. Все это, т.-е. кричать, выхватывать револьвер, свистеть и бежать, мог и старорежимный городской. Нес—па? товарищ Бенвенуто Чиллини».

Дело в том, что мой псевдоним—Бенвенуто Челлини. Я придумал его пять дней тому назад в такую же жару. И он страшно понравился почему-то всем кассирам в ре-

дакции. Все они поместили: «Бенвенутто Челлини» в книгах авансов рядом с моей фамилией. 5 червонцев например за Б. Челлини.

«Или так: извозчик № 2579. И седок за был портфель с важными бумагами из Сахаротреста. И честный извозщик доставил портфель в Сахаротрест и сахарная промышленность поднялась, а сознательного извозчика наградили».

«Мы этого извозчика помним,—сказали, остервениясь, воспаленные мозги»,—еще по приложениям к Марксовской «Ниве». Раз пять мы его там встречали, набранного то птитом, то корпусом, только седок служил тогда не в Сахаротресте, а в Министерстве Внутренних дел. Умолкни! Вот и редакция. Посмотрим, что ты будешь говорить. Где рассказик?..

По шаткой лестнице я вошел в редакцию с развязным видом и громко напевая:

И за Сеню я!
За кирпичики,
Полюбила кирпичный завод.

В редакции, зеленея от жары в тесной комнате сидел заведующий редакцией, сам редактор, секретарь и еще двое праздношатающихся. В деревянном окне, как в зоологическом саду, торчал птичий нос кассира.

— Кирпичики кирпичиками,—сказал заведующий,—а вот где обещанный рассказ?

— Представьте, какой гротеск, — сказал я улыбаясь весело, — у меня сейчас часы украли на улице.

Все промолчали.

— Вы мне обещали сегодня дать денег, — сказал я и вдруг в зеркале увидел, что я похож на пса под трамваем.

— Нету денег, — сухо ответил заведующий и по лицам я увидел, что деньги есть.

— У меня есть план рассказа. Вот чудак вы, — заговорил я тенором, — я в понедельник его принесу к половине второго.

— Какой план рассказа?

— Хм... В одном доме жил священник...

Все заинтересовались. Праздношатающиеся подняли головы.

— Ну?

— И умер.

— Юмористический?—спросил редактор, сдвигая брови.

— Юмористический,—ответил я, утопая.

— У нас уже есть юмористика. На три номера. Сидоров написал,—сказал редактор.— Дайте что-нибудь авантюрное.

— Есть,—ответил я быстро,—есть, есть, как же!

— Расскажите план,—сказал, смягчаясь, заведующий.

— Кхе... Один нэпман поехал в Крым...

— Дальше-с!

Я нажал на больные мозги так, что из них закапал сок, и вымолвил:

— Ну и у него украли бандиты чемодан.

— На сколько строк это?

— Строк на триста. А впрочем можно и... меньше. Или больше.

— Напишите расписку на 20 рублей, Бенвенутто,—сказал заведующий,—но только принесите рассказ, я вас серьезно прошу.

Я сел писать расписку с наслаждением. Но мозги никакого участия ни в чем не принимали. Теперь они были маленькие, с'ежившиеся, покрытые вместо извилин черными запекшимися щелями. Умерли.

Кассир, было, запротестовал. Я слышал его резкий скворешный голос:

— Не дам я вашему Чинизелли ничего. Он и так перебрал уже 60 целковых.

— Дайте, дайте,—приказал заведующий.

И кассир с ненавистью выдал мне один хрустящий и блестящий червонец, а другой темный с трещиной посередине.

Через 10 минут я сидел под пальмами в тени Фитиппова, укрывшись от взоров света. Передо мною поставили толстую кружку пива. «Сделаем опыт,—говорил я кружке,—если они не оживут после пива,—значит конец. Они померли — мои мозги, вследствие писания рассказов и больше не проснутся. Если так, я проем 20 рублей и умру. Посмотрим, как они с меня, покойничка, получат обратно аванс».

Эта мысль меня насмешила, я сделал глоток. Потом другой. При третьем глотке живая сила вдруг закопошилась в висках, жилы набухли и сжившиеся желтки ~~рас~~ расправились в костяном ящике.

— Живы?—спросил я.

— Живы,—ответили они шопотом.

— Ну, теперь сочиняйте рассказ!

В это время подошел ко мне хромой с перочинными ножиками. Я купил один за полтора рубля. Потом пришел глухонемой и про-

дал мне две открытки в желтом конверте с надписью:

«Граждане, помогите глухонемому».

На одной открытке стояла елка в ватном снегу, а на другой был заяц с аэропланскими ушами, посыпанный бисером. Я любовался зайцем, в жилах моих бежала пеннистая пивная кровь. В окнах сияла жара, плавился асфальт. Глухонемой стоял у под'езда кафе и раздраженно говорил хромоту:

— Катись отсюда колбасой со своими ножиками. Какое ты имеешь право в моем Филиппове торговать? Уходи в «Эльдорадо!»

— «Предположим так»,—начал я, пламенея,—улица гремела,—со свистом соловьиным прошла мотоциклетка. Желтый переплетенный гроб с зеркальными стеклами (автобус)!..

— «Здорово пошло дело»,—заметили выздоровевшие мозги,—«спрашивай еще пиво, чини карандаш, сыпь дальше... Вдохновенье, вдохновенье».

Через несколько мгновений вдохновение хлынуло с эстрады под военный марш Шуберта-Таузига, под хлопанье тарелок, под звон серебра.

Я писал рассказ в «Иллюстрацию», мозги пели под военный марш:

Что, сеньор мой,
Вдохновенье мне дано?
Как ваше мнение?!

Жара! Жара!

ЗОЛОТЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ФЕРА- ПОНТА ФЕРАПОНТОВИЧА КАПОРЦЕВА.

В корреспонденциях Ферапонта Ферапонтовича Капорцева (проживает в провинции) исправлена мною только неуместная орфография. Одним словом — корреспонденции подлинны.

Корреспонденция первая.

НЕСГОРАЕМЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДОМ.

В общегосударственном масштабе известен жилищный кризис, докатившийся даже до нашего Благодатска. Не может быть свободно по той причине, что благодаря повышенной рождаемости, вызванной Нэпом, народонаселение растет с угрожающей быстротой, и вот наш известный кооператор Павел Федорович Петров (замените его буквами «Пе, Фе, Пе», а то будет скандал) решили выйти из положения кооперативным способом. Человек-то он, правда, развитой, но только скорохват американской складки. Все

дело началось с того, что его супруга сверх всяких ожиданий родила вместо одного младенца—двойню, чем и толкнула Петрова на кооперативные поступки.

С разрешения начальства он образовал жилищно-строительное кооперативное бюро в составе Н. Н. Л. (агроном от первого брака

его отца) и В. А. С. (жених его сестры—заведующий хорошим кружком культуркомиссии) со взносом каждый в 12 червонцев для постройки американского дома термолитова типа — изумительной новинки в нашем городе.

Вообразите изумлением закоренелых благодатцев, когда на углу Новосвятской и Парижской Коммуны вырос буквально как гриб двухэтажный дом на три квартиры в рассрочку с удобствами.

Очень похожие на заграничные дома на открытках Швейцарии с острой крышей. Более всего удивительно, что дом оказался несгораемый, что вызвало строительную горячку и подачу прошений в Исполком (теперь их все взяли обратно).

Дураки нашего города смеялись над Петровым, предлагая испробовать дом при помощи керосина, но тот отказался, и, как оказалось, совершенно напрасно, не ходил бы он теперь к лету в шубе, с календарем в руках!

Все строительное бюро перевезло своих детей и все монетки 5 апреля (дом этот такого цвета, как папиросный пепел) и Петров дошел до того, что даже поставил в нем телефон.

А на первый день праздника, 19-го, на пасху ночью наша бдительная пожарная команда была поставлена на ноги роковым сообщением по Петровскому телефону:

— Пожар!!!

Наш брандмейстер Салов ответил по телефону:

— Вы будете оштрафованы за ложный вызов и пьяную пасхальную шутку. Этого не может быть.

Тут Петров с плачущим голосом отскочил от телефона и перестал действовать, потому что в нем перегорел уже провод.

Когда же вследствие зарева с каланчи наши молодцы-пожарные прибыли, то застали всю жилищно-американскую компанию, стоящую в теплых шубах на улице, а дом сгорел, как факел, успев спасти кольца его жены, запасную шубу главного американца Петрова, кастрюлю и отрывной кален-

дарь с изображением всероссийского старосты. Теперь возникает судебное дело: «О пожаре несгораемого дома». По-моему, это глупое дело! Да оно ничем и не кончится, потому что Салов обнаружил, что было самовозгорание проводов на чердаке.

Вот так все у нас в провинции происходит по-удивительному. В Москве бы он, вероятно, не сгорел.

Корреспондент *Капорцев*.

Вторая корреспонденция.

ЛЖЕДИМИТРИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ.

(Из провинции от Капорцева).

В нашем славном Благодатском учреждении имеется выдающийся секретарь. Мы так и смотрим на него, что он на отлете.

Конечно, ему не в Благодатском сидеть, а в Москве или в крайнем случае в Ленинграде. Тем более, что он говорил, что у него есть связи.

Над собой повесил надпись: «Рукопожатия переносят заразу», «Если ты пришел к занятому человеку, не мешай ему», «Посторонние разговоры по телефону строго воспрещаются» и кроме этого выстроил решетку, как возле нашего памятника Карла

Либкнехта и таким образом оторвался от массы начисто.

Кто рот ни раскроет сквозь решетку, он ему говорит одно только слово: «короче!» Короче. Короче. Каркает, как ворон на суку.

В один прекрасный день появляется возле решетки молодой человек. Одет очень хорошо, роглан-пальто. Рыженький. Усики. Галстук бабочкой. Взял стул, сидит. Секретарь всех откаркал от решетки и к нему:

— Вам что, товарищ? Короче!

А тот отвечает:

— Ничего, товарищ, я подожду. Вы заняты.

Голос у него великолепный, интеллигентный.

Тот брови нахмурил и говорит.

— Нет, вы говорите. Короче.

Тот отвечает.

— Я, видите ли, товарищ, к вам сюда назначен.

Тот брови поднял:

— Как ваша фамилия?

А тот:

— Луначарский.

Молодой человек так скромно кашлянул. Вежливый.

— Луначарский.

Так тот открыл загородку, вышел, говорит:

— Пожалуйста сюда (уже «короче» не говорит)—и спрашивает:

— Виноват (заметьте: «виноват»), вы не родственник Анатолию Васильевичу?

А тот:

— Это неважно. Я—его брат.

Хорошенькое «неважно»! Загородку к к чорту. Стул.

— Вы курите? Садитесь! Позвольте узнать, а на какую должность?

А тот:

— За заведующе-го.

Здорово.

А заведующего нашего как раз вызвали в Москву для объяснений по пово-

ду паровой мельницы, и мы знаем, что другой будет.

Что тут было с секретарем и со всеми, трудно даже описать — такое восхищение. Оказывается, что у Дмитрия Васильевича украли все документы, пока он к нам ехал, и деньги в поезде под самым Красноземском, а оттуда он доехал до нашего Благодатска на телеге, которая мануфактуру везла. Главное, говорит, курьезно, что чемодан украли с бельем. Все собрались в восторге, что могут оказать помощь.

И вот список наших карьеристов:

- 1) Секретарь дал, смеясь, 8 червонцев.
- 2) Кассир—3 червонца.
- 3) Заведывающий столом личного состава—2 червонца, мыло, полотенце, простыню и бритву (не вернул).
- 4) Бухгалтер—42 рубля и три пачки папирос «Посольских».

5) Кроме того брату Луначарского выписали авансом 50 рублей в счет жалованья.

И отправились осматривать учреждения и принимать дела. Оказался необыкновенно воспитанный, принял заявления и на каждом написал: «Удовлетворить».

Секретарь стал, как бес, все время не ходил, а бегал, как пушинка. Предлагал тотчас же телеграмму в Москву насчет документов, но столичный гость придумал лучше: «Я, говорит, все равно отправлюсь сейчас же инспектировать уезд, доеду до самого Красноземска, а оттуда лично по прямому проводу все сделаю».

Все подивились страшной быстроте его энергии. Единственная у нас машина в Благодатске, как вам известно, и на ней Дмитрий Васильевич отбыл на прямой провод (при этом: одеяло дал секретарь, два фунта колбасы, белого хлеба и в виде сюрприза положил бутылку английской горькой).

До Красноземска три часа езды на машине. Ну, скажем, на прямом проводе один

час, обратно—три часа. Вернулась машина в 11 часов вечера, шоффер пьяный и говорит, что Дмитрий Васильевич остался ночевать у тамошнего председателя и распорядился прислать машину завтра, в 3 часа дня. Завтра послали машину. Приезжает и—нету Дмитрия Васильевича. В чем дело—никто не может понять. Секретарь сейчас сам—скок в машину и в Красноземск. Возвращается на следующее утро, туча-тучей и никому не смотрит в глаза. Мы ничего не можем понять. Бухгалтер что-то почуял насчет 42 целковых и спрашивает дрожащим голосом:

— А где же Дмитрий Васильевич? Не заболели ли?

А тот вдруг закусил губу и:

— Асс-тавьте меня в покое, товарищ Прокундин!—Дверью хлопнул и ушел.

Мы к шоферу. Тот ухмыляется. Оказывается, прямо колдовство какое-то. Никакого Дмитрия Васильевича в Красноземске у председателя не ночевало. На прямом проходе секретарь спрашивает, не разговаривал ли Луначарский—так прямо думали, что он с ума сошел. Секретарь даже на вокзал кидался, спрашивал, не видали ли молодого человека с одеялом. Говорят, видели с ускоренным поездом. Но только галстук не такой.

Мы прямо ужаснулись. Какое-то навождение. Точно призрак побывал в нашем городе.

Как вдруг кассир спрашивает у шофера:

— Не зеленый галстук?

— Во-во.

Тут кассир вдруг говорит:

— Прямо признаюсь, я ему, осел, кроме трех червей еще шелковый галстук одолжил.

Тут мы ахнули и догадались, что самозванец.

На 222 рубля наказал подлиз наших. Не считая вещей и закусок. Вот тебе и «корочс».

Ваш корреспондент *Капорцев*.

Третья корреспонденция

ВАНЬКИН ДУРАК.

Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее наш профессиональный знаменитый работник 20-го века Ванькин Исидор, каковой прилип к нашему рабклубу, как баный лист.

Ни одна ерунда в нашей жизни не проходит без того, чтобы Ванькин в ней не был.

Мы, грешным делом, надеялись, что его в центр уберут, но, конечно, Ванькина в центре невозможно держать.

И вот произошло событие. В один прекрасный день родили одновременно две работницы на нашем заводе Марья и Дарья и обе — девочек только у Марьи рыженькая, а у Дарьи обыкновенная. Прекрасно. Наш завком очень энергичный, и поэтому решили прооктябрить, как ту, так и другую.

Ну, ясно и понятно: без Ванькина ничто не может обойтись. Сейчас же он явился и счастливым матерям предложил имена для их крошек: Баррикада и Бебелина. Так что первая выходила Баррикада Анемподистовна, а вторая просто Бебелина Иванна, от чего обе матери отказались с плачем и даже хотели обратно забрать свои плоды.

Тогда Ванькин обменял на два других имени: Мессалина и Пестелина, и только председатель завкома его осадил, об'яснив, что Мессалина такого имени нет, а это картина в кинематографе.

Загнали наконец Ванькина в пузырек. Стих Ванькин и соединенными усилиями дали мы два красивых имени: Роза и Клара.

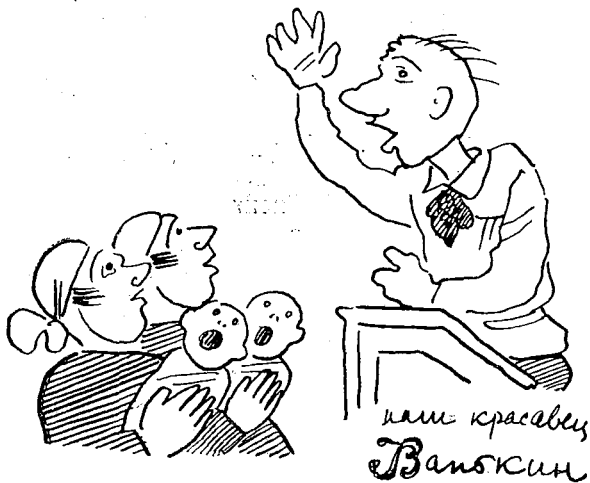
— Как конфетка будут октябрины,—говорил наш председатель, потирая мозолистые руки,—лишь бы Ванькин ничего не изгадил.

В клубе, имени тов. Луначарского, народу набилось видимо-невидимо, все огни горят, лозунги сияют. И счастливые матери

сидели на сцене с младенцами в конвертах, радостно их укачивая.

Объявили имена и председатель предложил слово желающему и конечно выступил наш красавец Ванькин. И говорит:

— В виду того и принимая во внимание, дорогие товарищи, что имена мы нашим трудовым младенцам дали Роза и Клара, пред-

лагаю почтить память наших дорогих борцов похоронным маршем. Музыка, играй!

И наш капельмейстер, заведующий музыкальной секцией, звучно заиграл: «Вы жертвою пали». Все встали в страшном смятении и в это время вдруг окрестность огласилась рыданием матери № 2 Дарьи вследствие того, что ее младенец Розочка на руках у нее скончалась.—

Была картина я вам доложу! Первая мать, только сказав Ванькину:

— Спасибо тебе, сволочь,—брызнула вместе с конвертом к попу и тот не Кларой, а просто Марьей окрестил ребеночка в честь матери.

Весь отставший старушечий элемент Ванькину учинил такие октябрины, что тот еле ноги унес через задний ход клуба.

И тщетно наша выдающая женщина-врач Оль-Мих. Динамит объяснила собранию, что девочка умерла от непреодолимой кишечной болезни ее нежного возраста и была уже с 39 градусами и померла бы, как ее ни называй, никто ничего не слушал. И все ушли, уверенные, что Ванькин девчонку похоронным маршем задавил наповал.

Вот-с, бывают такие штуки в нашей милой отдаленности...

С почтением *Капорцев.*

Четвертая корреспонденция.

БРАНДМЕЙСТЕР ПОЖАРОВ.

Покорнейше вас прошу, товарищ литератор, нашего брандмейстера пожаров (фамилия с малой буквы М. Б.) описать покрасивее, с рисунком.

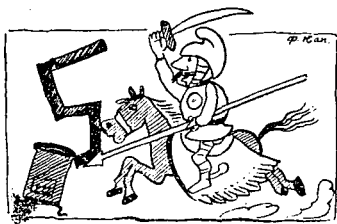
Был у нас на станции Н. Балтийской советской брандмейстер гражданчик Пожаров. Вот это был пожаров, так знаменитый пожаров, чистой воды Геркулес, наш брандмейстер храбрый.

Первым долгом налетел брандмейстер на временные железные печи во всех абсолютно помещениях и все их разобрал в пух и прах, так что наши железнодорожники, товарищи-граждане, братья-сестрицы вымерзли, как клопы.

Налетал Пожаров в каске, как рыцарь среднего века, на наш клуб и хотел его стереть с лица земли, кричал, что клуб антипожарный. Шел в бой на Пожарова наш местком и заступался и вел с разрушителем нашего быта бой семь заседаний, не хуже Перекопа. Насчет клуба загнали месткомские

Пожарова в пузырек, а на библиотечном фронте насыпал Пожаров с факелами, совершенно изничтожил печную идею, почему, покрылся льдом товарищ Бухарин со своей азбукой и Львом Толстым и прекратилось население в библиотеке отныне, и во веки. Аминь. Аминь. Просвещайся, где хочешь!

И еще не очень-то доказал гражданин брандмейстер свою преданность Октябрю!

Когда годовщина произошла, то он, что сделает ей подарок, возвестил на пожарном дворе с трубными звуками. И пожарную машину всю до винтика разобрал.

А теперь ее собирать некому, и ввиду пожара мы все просто погорим без всякого разговора. Вот так имеет годовщина подарочек!

Лучше всего припаял брандмейстер нашу кассу взаимопомощи. Червонец взял и уехал, а по какому курсу—не известно! Говорили, видели, будто бы, что Пожаров держал курс на станц. Х. подмосковную. Поздравляем вас, братцы подмосковники, будете вы иметь!

Было жизни пожарной у нас ровно два месяца и настала полная тишина с морозом на северном полюсе. Да будет ему земля пу-

хом, но червонец пусть все-таки вернет под замок нашей несгораемой кассы взаимопомощи.

Фамилию мою Капорцев не ставьте, а прямо напечатайте подпись «Магнит», поязвительнее сделайте его.

П р и м е ч а н и е:

Милый Магнит, язвительнее, чем Вы сами сделали вашего брандмейстера, я сделать не умею.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ.

Дневник больного.

5-го июля. Кашлять я начал. Кашляю и кашляю. Всю ночь напролет. Мне бы спать надо, а я кашляю.

7-го июля. Записался на прием.

10-го июля. Стучал молоточком и сказал «Гм!». Что это значит—это «гм»?

11-го июля. Сделали рентгеновский снимок с меня. Очень красиво. Весь темный, а ребра белые.

20-го июля. Поздравляю вас, дорогие товарищи, у меня туберкулез. Прощай белый свет!

30-го июля. Послали меня в санаторий «Здоровый дух» на курорт. Получил на 2.000 верст подъемные и бесплатный билет жесткого класса с тюфяком.

1-го августа... и с клопами. Еду, очень красивые виды. Клопы величиной с тараканов.

3-го августа. Приехал в Сибирь. Очень красивая. На лошадях ехал в сторону много—293 версты. Кумыс.

6-го августа. Вот тебе и кумыс! Они говорят, что это ошибка. Никакого туберкулеза у вас нет. Опять снимок делали. Видел свою почку. Страшно противная.

8-го августа. И потому я сейчас записываю в Ростове-на-Дону. Очень красивый город. Еду в здравницу «Солнечный дар» в Кисловодск.

12-го августа. Кисловодск. И ничего подобного. Почка тут непричем. Говорят: какой чорт вас заслал сюда?!

15-го августа. Я пишу на пароходе, якобы с наследственным сифилисом, и еду в Крым (в скрытой форме). Меня рвет, вследствие качки. Будь оно проклято, такое лечение!

22-го августа. Ялта, превосходный город, еслиб только не медицина! Загадочная наука. Здесь у меня глисты нашли и аппендицит в скрытой форме. Я еду в Липецк Тамбовской губернии. Прощай, водная стихия Черного моря!

25-го августа. В Липецке все удивляются. Доктор очень симпатичный. Насчет глистов сказал так:

— Сами они глисты!

Подвел меня к окошку посмотрел в глаза и заявил:

— У вас порок сердца.

Я уж так привык, что я весь гнилой, что даже и не испугался. Прямо спрашиваю: куда ехать?

Оказывается, в Боржом.

Здравствуй, Кавказ!

1-го сентября. В Боржоме даже не позволили вещи распаковать. Мы, говорят, ревматиков не принимаем.

Вот уж я и ревматиком стал! Недолго, недолго мне жить на белом свете! Уезжаю опять в Сибирь на...

10-го сентября. ...Славное море, священный Байкал! Виды тут прелестные, только уж холод собачий. И сибирский доктор сказал, что это глупо раз'езжать по курортам, когда скоро снег пойдет. Вам, говорит, надо сейчас ехать погреться. Я, говорит, вас в Крым махану... Говорю, что я уже был. Мерси. А он говорит, где вы были? Я говорю: в Ялте. А он говорит: я,—говорит,—вас пошлю в Алупку.

Ладно, в Алупку—так в Алупку. Мне все равно, хоть к чорту на рога. Купил шубу и поехал.

25-го сентября. В Алупке все заперто. Говорят: поезжайте вы домой, а то, говорят, мечетесь вы по всей Республике, как беспризорный. Плюнул на все и поехал к себе домой.

1-го октября. И вот я дома. Пока я ездил, жена мне изменила. Пошел я к доктору. А он говорит: вы,—говорит,—человек совсем здоровый, как стеклышко.—А как же так, спрашиваю, меня гоняли? А он отвечает: просто ошибка! Ну, ошибка и ошибка. Завтра иду на службу.

Больной № 555. Михаил.

ПАРШИВЫЙ ТИП.

Если верить статистике, сочиненной недавно неким гражданином (я сам ее читал) и гласящей, что на каждую тысячу людей приходится 2 гения и два идиота, нужно признать, что слесарь Пузырев был несомненно одним из двух гениев. Явился этот гений Пузырев домой и сказал своей жене:

— Итак, Марья, жизненные мои ресурсы в общем и целом иссякли.

— Все-то ты пропиваешь, негодяй, — ответила ему Марья. — Что-ж мы с тобой будем ждать теперь?

— Не беспокойся, дорогая жена, — торжественно ответил Пузырев, — мы будем с тобой жрать!

С этими словами Пузырев укусил свою нижнюю губу верхними зубами так, что из нее полилась ручьем кровь. Затем гениальный кровопийца эту кровь стал слизывать и глотать пока не насосался ею, как клещ.

Затем слесарь накрылся шапкой, губу зализал и направился в больницу на прием к доктору Порошкову.

**
*

— Что с вами, голубчик?—спросил у Пузырева Порошков.

— По... мираю, гражданин доктор,—ответил Пузырев и ухватился за косяк.

— Да что вы?—удивился доктор.—Вид у вас превосходный.

— Пре.. вос... ходный? Суди вас бог за такие слова,—ответил угасающим голосом Пузырев и стал клониться на бок, как стебелек.

— Что-ж вы чувствуете?

— Ут... ром... седни... кровью рвать стало... Ну, думаю, прощай... Пу... зырев... До приятного свидания на том свете... Будешь ты в раю, Пузырев... Прощай, говорю, Марья, жена моя... Не поминай лихом Пузырева!

— Кровью?—недоверчиво спросил врач и ухватился за живот Пузырева.—Кровью? Гм... Кровью, вы говорите? Тут болит?

— О!—ответил Пузырев и завел глаза.—завещание-то... успею написать?

— Товарищ Фенацетинов,—крикнул Порошков лектому,—давайте желудочный зонд, исследование сока будем делать.

**
*

— Что за дьяволыщина!—бормотал недоумевающий Порошков, глядя в сосуд, —

кровь! Ей-богу, кровь. Первый раз вижу. При таком прекрасном внешнем состоянии...

— Прощай белый свет,—говорил Пузырев, лежа на диване,—не стоять мне более у станка, не участвовать мне в заседаниях, не выносить мне более резолюций...

— Не унывайте, голубчик,—утешал его сердобольный Порошков.

— Что же это за болезнь такая, ядовитая?—спросил угасающий Пузырев.

— Да круглая язва желудка у вас. Но это ничего, можно поправиться,—во-первых, будете лежать в постели, во-вторых, я вам порошки дам.

— Стоит ли доктор, молвил Пузырев, — не тратьте ваших уважаемых лекарств на умирающего слесаря, они пригодятся живым... Плюньте на Пузырева, он уже наполовину в гробу...

— Вот убивается парень!—подумал жалостливый Порошков и накапал Пузыреву валерианки.

**
*

На круглой язве желудка Пузырев заработал 18 р. 79 к., освобождение от занятий и порошки. Порошки Пузырев выбросил в клозет, а 18 р. 79 к. использовал таким образом: 79 копеек дал Марье на хозяйство, а 18 рублей пропил...

— Денег нету опять, дорогая Марья—говорил Пузырев, —накапай-ка ты мне зубровки в глаза.

В тот же день на приеме у доктора Каплина появился Пузырев с завязанными гла-

зами. Двое санитаров вели его под руки, как архиерея. Пузырев рыдал и говорил:

— Прощай, прощай белый свет! Пропали мои глазыньки от занятий у станка...

— Чорт вас знает!—говорил доктор Каплин,—я такого злого воспаления в жизнь свою не видал. Отчего это у вас?

— Это у меня, вероятно, наследственное, дорогой доктор,—заметил рыдающий Пузырев.

**
*

На воспалении глаз Пузырев сделал чистых 22 рубля и очки в черепаховой оправе.

Черепаховую оправу Пузырев продал на толкучке, а 22 рубля распределил таким образом: 2 рубля дал Марье, потом полтора рубля взял обратно, сказавши, что отдаст их вечером и эти полтора и остальные двадцать пропил.

**
*

Неизвестно где, гениальный Пузырев спер пять порошков кофеину и все эти пять порошков слопал сразу, отчего сердце у него стало прыгать, как лягушка. На носилках Пузырева привезли в амбулаторию к докторше Микстуриной, и докторша ахнула.

— У вас такой порок сердца,—говорила Микстурина, только что кончившая университет,—что вас бы в Москву в клинику следовало свезти, там бы вас студенты на части разорвали. Прямо даже обидно, что такой порок даром пропадает!

**
*

Порочный Пузырев получил 48 р. и ездил на две недели в Кисловодск. 48 рублей он распределил таким образом: 8 рублей дал

Марье, а остальные сорок истратил на знакомство с какой-то неизвестной блондинкой, которая попалась ему в поезде возле Минеральных вод.

— Чем мне теперь заболеть уж я и ума не приложу,—говорит сам себе Пузырев,—не иначе, как придется мне захворать громадным нарывом на ноге.

Нарывом Пузырев заболел за 30 копеек. Он пошел и купил на эти 30 копеек скипидару в аптеке. Затем у знакомого бухгалтера он взял на прокат шприц, которым впрыскивают мышьяк, и при помощи этого шприца впрыснул себе скипидар в ногу. Получилась такая штука, что Пузырев даже сам взвыл.

— Ну, теперича мы на этом нарыве рублей 50 возьмем у этих оболтусов докторов,—думал Пузырев, ковыляя в больницу.

Но произошло несчастье.

В больнице сидела комиссия, и во главе нее сидел какой-то мрачный и несимпатичный, в золотых очках.

— Гм,—сказал несимпатичный и просверлил Пузырева взглядом сквозь золотые обручи,—нарыв, говоришь? Так... Снимай штаны!

Пузырев снял штаны и не успел оглянуться, как ему вскрыли нарыв.

— Гм!—сказал несимпатичный,—так это скипидар у тебя, стало быть, в нарыве? Как же он туда попал, объясни мне, любезный слесарь?..

— Не могу знать,—ответил Пузырев, чувствуя, что под ним разверзается бездна.

— А я могу!—сказали несимпатичные золотые очки.

— Не погубите, гражданин доктор,—сказал Пузырев и зарыдал неподдельными слезами без всякого воспаления.

**
*

Но его всетаки погубили.

И так ему и надо.

„ВОДА ЖИЗНИ“.

Станция «Сухая Канава» дремала в сугробах. В депо вяло пересвистывались паровозы. В железнодорожном поселке тек мутный и спокойный зимний денек.

Все, что здесь доступно оку (как говорится),

Спит, покой ценя...

В это-то время к железнодорожной лавке и подполз, как тать, плюгавый воз, таинственно закутанный в брезент. На брезенте сидела личность в тулупе, и означенная личность, под'ехав к лавке, загадочно подмигнула. Двух скучных людей, торчащих у дверей, вдруг ударило припадком. Первый нырнул в карман, и звон серебра огласил окрестности. Второй заплясал на месте и захрипел:

— Ванька, не будь сволочью, дай рупь шестьдесят две!..

— Отпрыгни от меня моментально!—ответил Ванька, с треском отпер дверь лавки и пропал в ней.

Личность, доставившая воз, сладострастно засмеялась и молвила:

— Соскучились, ребяташки?

Из лавки выскочил некий в грязном фартуке и завыл:

— Что ты, чорт тебя возьми, по главной улице приперся? Огородами не мог об'ехать?

— Агородами... Там сугробы, — начала личность отгрызаться и не кончила. Мимо

нее проскочил гражданин без шапки и с пустыми бутылками в руке.

С победоносным криком: «номер первый—ура!!!!» он влип в дверях во второго гражданина в фартуке, каковой гражданин ему отвесил:

— Чтоб ты сдох! Ну, куда тебя несет? Вторым номером встанешь! Успеешь! Фаддей—первый, он дежурил два дня.

Номер третий летел в это время по дороге к лавке и, бухая кулаками во все окошки, кричал:

— Братцы, очищенное привезли!..

Калитки захлопали.

Четвертый номер вынырнул из ворот и брызнул к лавке, на-ходу застегивая подтяжки. Пятым номером вдавился в лавку мастер Лукьян, опередив на полкорпуса местного дьякона (шестой номер). Седьмым пришла в красивом финише жена Сидорова, восьмым—сам Сидоров, девятым—Пелагеин племянник, бросивший на пять сажений десятого—помощника начальника станции Колочука, показавшего 32 версты в час, одиннадцатым—неизвестный в старой красноармейской шапке, а двенадцатого личность в фартуке высадила за дверь, рывкнув:

— Организуй на улице!

Поселок оказался и люден и оживлен. Вокруг лавки было черным-черно. Растерянная старушенка с бутылкой из-под постного масла бросалась с фланга на организованную очередь повторными атаками.

— Анафемы! Мне ваша водка не нужна, мяса к обеду дайте взять!—кричала она, как кавалерийская труба.

— Какое тут мясо!—отвечала очередь.— Вон старушку с мясом!

— Плюнь, Пахомовна,—говорил женский голос из оврага,—теперь ничего не сделаешь! Теперича пока водку не разберут...

— Глаз, глаз выдушите, куда-ж ты прешь!

— В очередь!

— Выкиньте этого в шапке, он сбоку залез!

— Сам ты мерзавец!

— Товарищи, будьте сознательны!

— Ох, нехватит...

— Попрошу не толкаться, я—начальник станции!

— Насчет водки—я сам начальник!

— Алкоголик ты, а не начальник!

**

Дверь ежесекундно открывалась, из нее выжимался некий с счастливым лицом и с двумя бутылками, а второго снаружи вжимало с бутылками пустыми. Трое в фартуках, вытирая пот, таскали из ящиков с гнездами бутылки с сургучными головками, принимали деньги.

— Две бутылочки.

— Три двадцать четыре! — вопил фартук,—что кроме?

— Сельдей четыре штуки...

— Сельдей нету!

— Колбасы полтора фунта...

— Вася, колбаса осталась?

— Вышла!
— Колбасы уже нет, вышла!
— Так что-ж есть?
— Сыр русско-швейцарский, сыр голландский...

— Давай русско-голландский полфунта..

— Тридцать две копейки? Три пятьдесят шесть! Сдачи сорок четыре копейки! Следующий!

— Две бутылочки...

— Какую закусочку?

— Какую хочешь. Истомилась моя душенька...

— Ничего, кроме зубного порошка не имеется.

— Давай зубного порошка две коробки!

— Не желаю я вашего ситца!

— Без закуски не выдаем.

— Ты что-ж очумел, какая же ситец закуска?

— Как желаете...

— Чтоб ты на том свете ситцем закусывал!

— Попрошу не ругаться!

— Я не ругаюсь, я только к тому, что свиньи вы! Нельзя же, нельзя-ж в самом деле народ ситцем кормить!

— Товарищ, не задерживайте!

Двести пятнадцатый номер получил две бутылки и фунт синьки, двести шестнадцатый—две бутылки и флакон одеколону, две-

сти семнадцатый—две бутылки и пять фунтов черного хлеба, двести восемнадцатый—две бутылки и два куска туалетного мыла «Аромат девы», двести девятнадцатый — две и фунт стеариновых свечей, двести двадцатый—две и носки, да двести двадцать первый—получил шиш.

Фартуки вдруг радостно охнули и закричали:

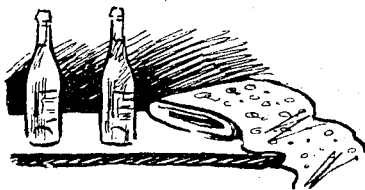
— Вся!

После этого на окне высочила надпись «Очищенного вина нет» и толпа на улице ответила тихим стоном...

**
*

Вечером тихо лежали сугробы, а на станции мигал фонарь. Светились окна домишек и шла по раз'езженной улице какая-то фигура и тихо пела, покачиваясь:

Все, что здесь доступно оку,
Спи, покой цена...

САМОЦВЕТНЫЙ БЫТ.

СРЕДСТВО ОТ ЗАСТЕНЧИВОСТИ.

Лично я получил такую заметку, направленную из глухой провинции в редакцию столичной газеты:

Товарищ редактор,

Пропустите, пожалуйста, мою статью или, проще выразиться, заметку с пригвождением к черной доске нашего мастера Якова (отчество и фамилия). Означенный Яков (отчество и фамилия) омрачил наш Международный праздник работницы 8 марта, появившись на эстраде в качестве содокладчика, как зюзя пьяный. По своему состоянию он, не читая содоклада, а держась руками за лозунги и оборвав два из них, лишь улыбался бесчисленной аудитории наших работниц, которая дружно, как один, заполнила клуб.

Когда заведующий культотделом спросил у Якова о причине его такого позорного выступления, он ответил, что выпил перед содокладом от страха, в виду того, что он с женским полом застенчив. Позор Якову (отчество и фамилия). Таких застенчивых в нашем профессиональном союзе не нужно.

СКОЛЬКО БРОКГАУЗА МОЖЕТ ВЫНЕСТИ ОРГАНИЗМ?

В провинциальном городишке лентяй-библиотекарь с лентяями из местного культотдела плюнули на работу, перестав заботиться о сколько-нибудь осмысленном снабжении рабочих книгами.

Один молодой рабочий, упорный человек, мечтающий об университете, отравлял библиотекарю существование, спрашивая у него

советов о том, что ему читать. Библиотечная крыса, чтобы отвязаться, заявила, что сведения «обо всем решительно» имеются в словаре Брокгауза.

Тогда рабочий начал читать Брокгауза. С первой буквы А.

Изумительно было то, что он дошел до пятой книги (Банки—Бергер).

Правда, уже со второго тома слесарь стал плохо есть, как-то осунулся и сделался рассеянным. Он со вздохом, меняя прочитанную книгу на новую, спрашивал у культотдельской grimзы, засевающей в пыльных книжных баррикадах, «много ли осталось»? В пятой книге с ним стали происходить странные вещи. Так, среди бела дня он увидал на улице, у входа в мастерския, Бана-Абуль-Абас-Ахмет-Ибн-Магомет-Отман-Ибн-Аль, знамени-того арабского математика в белой чалме.

Слесарь был молчалив в день появления араба, написавшего «Тальме-Амаль-Аль-Хисоп», догадался, что нужно сделать антракт и до вечера не читал. Это, однако, не спасло его от 2-х визитов в молчании бессонной ночи—сперва развязного синдика вольного ганзейского города Эдуарда Банка, а затем правителя канцелярии малороссийского губернатора Димитрия Николаевича Бантыш-Каменского.

День болела голова. Не читал. Но через день двинулся дальше. И всетаки прошел через Банювангис, Баньюмас, Баньер-де-Бигир и через два Баньякавало—человека и город.

Крах произошел на самом простом слове «Барановские». Их было 9: Владимир, Войцех, Игнатий, Степан, 2 Яна, а затем Мечислав, Болеслав и Богуслав.

Что-то сломалось в голове у несчастной жертвы библиотекаря:

— Читаю, читаю — рассказывал слесарь корреспонденту—слова легкие: Мечислав, Богуслав и, хоть убей — не помню — какой кто. Закрою книгу—все вылетело! Помню одно: Мадриан. Какой, думаю, Мадриан? Нет там никакого Мадриана. На левой стороне есть два Бранецких. Один господин Адриан, другой Мариан. А у меня Мадриан.

У него на глазах были слезы.

Корреспондент вырвал у него словарь, прекратив пытку. Посоветовал забыть все, что прочитал и написал о библиотекаре фельетон, в котором, не выходя из пределов той же пятой книги, обругал его Безголовым молоском и Барсучьей шкурой.

ПЛОЩАДЬ НА КОЛЕСАХ.

Дневник гениального гражданина Полосухина.

21 ноября.

Ну, и город Москва, я вам доложу. Квартир нету. Нету, горе мое! Жене дал телеграмму—пушай пока повременит, не выезжает. У Карабуева три ночи ночевал в ванне. Удобно, только капает. И две ночи у Щуевского на газовой плите. Говорили в Елабуге у нас—удобная штука, какой чорт!—винтики какие-то впиваются, и кухарка недовольна.

23 ноября.

Сил никаких моих нету. Наменял на штрафы мелочи и поехал на А, шесть кругов проездил—кондукторша пристала: «Куды вы, гражданин, едете?» «К чортовой матери, говорю, еду». В сам деле, куды еду? Никуды. В половину первого в парк поехали. В парке и ночевал. Холодина.

24 ноября.

Бутерброды с собой взял, поехал. В трамвае тепло—надышали. Закусывал с кондукторами на Арбате. Сочувствовали.

27 ноября.

Пристал, как банный лист—почему с примусом в трамвае? Параграф, говорю, такого нету. Чтобы не петь, есть параграф, я и не пою. Напоил его чаем—отцепился.

2 декабря.

Пятеро нас ночует. Симпатичные. Одеяла расстелили—как в первом классе.

7 декабря.

Пурцман с семейством устроился. Завесили одну половину — дамское — некурящее

Рамы все замазали. Электричество—не платить. Утром так и сделали: как кондукторша пришла—купили у нее всю книжку. Сперва ошалела от ужаса, потом ничего. И ездим.

Кондукторша на остановках кричит: «Местов нету!» Контролер влез—ужаснулся. Говорю, извините, никакого правонарушения нету. Заплочено и ездим. Завтракал с нами у храма Спасителя, кофе пили на Арбате, а потом поехали к Страстному монастырю.

8 декабря.

Жена приехала с детишками. Пурцман отделился в 27 номер. Мне говорит, это направление больше нравится. Он на широкую ногу устроился. Ковры постелил, картины известных художников. Мы попроще. Одну печку поставил вагоновожатому—симпатичный парнишка попался, как родной в семье. Петю учит править. Другую в вагоне, третью кондукторше — симпатичная—свой человек—на задней площадке. Плиту поставил. Ездим, дай бог каждому такую квартиру!

11 декабря.

Батюшки! Пример-то, что значит. Приезжаем сегодня к Пушкину, выглянул я на площадку—умываться, смотрю—в 6 номере с Тверской поворачивает Щуевский!.. Его, оказывается, уплотнили с квартирой, то он и кричит—наплевать. И переехал. Ему в 6-м номере удобно. Служба на Мясницкой.

12 декабря.

Что в Москве делается, уму непостижимо. На трамвайных остановках—вой стоит. Се-

годня, как ехали к Чистым прудам, читал в газете про себя — называют — гениальный человек. Уборную устроили. Просто, а хорошо, в полу дыру провертели. Да и без уборной великолепно. Хочешь на Арбате, хочешь у Страстного.

20 декабря.

Елку будем устраивать. Тесновато нам стало. Целюсь переехать в 4 номер двойной. Да, нету квартир. В американских газетах мой портрет помещен.

21 декабря.

Все к чорту! Вот тебе и елка! Центральная жилищная комиссия явилась. Ахнули. А мы-то, говорит, всю Москву изрыли, искали жилищную площадь. А она тут...

Всех выпирают. Учреждения всаживают. Дали 3-дневный срок. В моем вагоне участок милиции поместится. К Пурцману школа I ступени имени Луначарского.

23 декабря.

Уезжаю обратно в Елабугу...

ЕГИПЕТСКАЯ МУМИЯ.

Рассказ Член Профсоюза.

Приехали мы в Ленинград, в командировку, с председателем нашего месткома.

Когда отбегались по всем делишкам, мне и говорит председатель:

— Знаешь что, Вася? Пойдем в Народный дом.

— А что, спрашиваю, я там забыл?

— Чудак ты,—отвечает мне наш председатель месткома,—в Народном доме ты получишь здоровые развлечения и отдохнешь, согласно 98-й статье Кодекса Труда (председатель наизусть знает все статьи, так что его даже считают чудом природы).

Ладно. Мы пошли. Заплатили деньги, как полагается, и начали применять 98-ю статью. Первым делом, мы прибегли к колесу смерти. Обыкновенное громадное колесо и посередине палка. При чем, колесо, от неизвестной причины начинает вертеться с неимоверной скоростью, сбрасывая с себя ко всем чертям каждого члена союза, который на него сядет. Очень смешная штука,

в зависимости от того, как вылетишь. Я выскочил чрезвычайно комично через какую-то барышню, разорвав штаны. А председатель оригинально вывихнул себе ногу и сломал одному гражданину палку красного дерева, со страшным криком ужаса. При чем, он летел, и все падали на землю, так как наш председатель месткома человек с громадным весом. Одним словом, когда он упал, я думал, что придется выбирать нового председателя. Но председатель встал бодрый, как статуя свободы, и, наоборот, кашлял кровью тот гражданин с погибшей палкой.

Затем мы отправились в заколдованную комнату, в которой вращаются потолок и стены. Здесь из меня выскочили бутылки пива «Новая Бавария», выпитые с председателем в буфете. В жизни моей не рвало меня так, как в этой проклятой комнате, председатель же перенес.

Но когда мы вышли, я сказал ему:

— Друг, отказываюсь от твоей статьи. Будь они прокляты эти развлечения № 98!

А он сказал:

— Раз мы уже пришли и заплатили, ты должен еще видеть знаменитую египетскую мумию.

И мы пришли в помещение. Появился в голубом свете молодой человек и заявил:

— Сейчас, граждане, вы увидите феномен неслыханного качества — подлинную

египетскую мумию, привезенную 2500 лет назад. Эта мумия прорицает прошлое, настоящее и будущее, при чем отвечает на вопросы и дает советы в трудных случаях жизни и, секретно, беременным.

Все ахнули от восторга и ужаса и, действительно, вообразите, появилась мумия в виде женской головы, а кругом египетские письма. Я замер от удивления при виде того, что мумия совершенно молодая, как не может быть человек не только 2500 лет, но и даже в 100 лет.

Молодой человек вежливо пригласил:

— Задавайте вопросы. Попроще.

И тут председатель вышел и спросил:

— А на каком же языке задавать? Я египетского языка не знаю.

Молодой человек не смущаясь, отвечает:

— Спрашивайте по-русски.

Председатель откашлялся и задал вопрос:

— А скажи, дорогая мумия, что ты делала до февральского переворота?

И тут мумия побледнела и сказала:

— Я училась на курсах.

— Так-с. А скажи, дорогая мумия, была ты под судом при советской власти и, если не была, то почему?

Мумия заморгала глазами и молчит.

Молодой человек кричит:

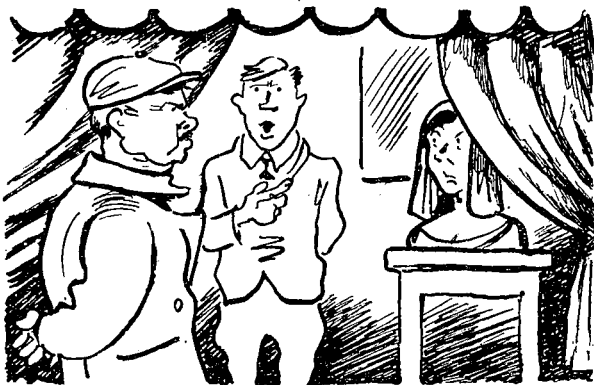
Что ж вы, гражданин, за 15 копеек мучаете мумию?

А председатель начал крыть беглым:

— А, милая мумия, твое отношение к воинской повинности?

Мумия заплакала. Говорит:

— Я была сестрой милосердия.

— А что б ты сделала, если б ты увидела коммунистов в церкви? А кто такой тов. Стучка? А где теперь живет Карл Маркс?

Молодой человек видит, что мумия засыпалась, сам кричит по поводу Маркса:

— Он умер!

А председатель рявкнул:

— Нет! Он живет в сердцах пролетариата.

И тут свет потух, и мумия с рыданиями исчезла в преисподней, а публика крикнула председателю:

— Ура! Спасибо за проверку фальшивой мумии.

И хотела его качать. Но председатель уклонился от почетного качанья, и мы выехали из Народного дома, при чем за нами шла толпа пролетариев с криками.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Воспаление мозгов	5
2. Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапон- товича Капорцева	15
Несгораемый американский дом	—
Лжедмитрий Луначарский	18
Ванькин дурак	23
Брандмейстер Пожаров	27
3. Летучий голландец	30
4. Паршивый тип	34
5. Вода жизни	41
6. Самоцветный быт	47
Средство от застенчивости	—
Сколько Брокгауза может вынести организм?	48
7. Площадь на колесах	51
8. Египетская мумия	55

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
== „СМЕХАЧ“. ==

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

- 1 Вып. МИХ. ЗОЩЕНКО. — (2-ое изд.).
(Распродано).
- 2 „ ВЯЧ. ШИШКОВ. — (Распродано)
- 3 „ ИВАН ПРУТКОВ. — (Распродано).
- 4 „ Р. ВОЛЖЕНИН. — (Распродано).
- 5 „ МИХ. КОЗЫРЕВ.
- 6 „ ВАЛЕНТ. КАТАЕВ.
- 7 „ ЕВГР. ДОЛЬСКИЙ.
- 8 „ Э. ГАРД.
- 9 „ О. ГЕНРИ.
- 10 „ АЛЕКСЕЙ Н. ТОЛСТОЙ.
- 11 „ ХАССЕ ЦЕТТЕРСТРЕМ. — (Швед-
ский юморист.).
- 12 „ НИКОЛАЙ НИКИТИН.
- 13 „ ВАС. АНДРЕЕВ.
- 14 „ ВИКТОР ФИНК.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

16 „ ОСТАП ВИШНЯ. —
(Укр. юмор.).

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

И. БАБЕЛЬ.

ИСИДОР ГУРЕВИЧ.

О. Л. д'ОР.

ТЭФФИ. Нов. рассказы.

===== ВСЕ КНИГИ =====
ИЛЛЮСТРИРОВАНЫ
===== ЛУЧШИМИ =====
КАРРИКАТУРИСТАМИ

